

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.8>

Сафрон Елена Александровна

Проблема нравственного выбора в романе В. В. Орлова "Аптекарь"

Рассматривается специфика нравственного выбора, с необходимостью сделать который сталкиваются герои фэнтезийного романа В. В. Орлова "Аптекарь", когда случайно освобождают из плена берегиню, исполняющую желания. Цель исследования - выявить, какую этическую позицию выбирают персонажи в ситуации абсолютной вседозволенности. Научная новизна работы определяется тем, что ранее проблемы нравственности, затрагиваемые в этом романе, оставались исключительно в поле интереса авторов критических статей. В результате выясняется, что герои не готовы правильно распорядиться даром берегини из-за отсутствия высоких духовных устремлений, поэтому последствия этой ситуации становятся трагическими. Напротив, протагонист романа эволюционирует как личность: совершая свой нравственный выбор, герой отказывается от позиции пассивного наблюдателя и жертвует своей любовью ради спасения жителей Останкино.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 48-52. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. **Ляпина Л. Е.** Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 1990. № 1. С. 22-30.
11. **Ляпина Л. Е.** К вопросу типологии лирических циклов (лирический цикл в поэзии Бальмонта) // Материалы XXVI науч. конф. Литературоведение. Лингвистика. Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 1971. С. 61-62.
12. **Ляпина Л. Е.** Циклизация в русской литературе XIX века. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 1999. 281 с.
13. **Миц З. Г.** Блок и русский символизм. Избранные труды: в 3-х кн. СПб.: Искусство, 1999. Кн. 1. Поэтика Александра Блока. 727 с.
14. **Сапогов В. А.** К проблеме стихотворной стилистики лирического цикла // Русская советская поэзия и стиховедение: материалы Межвузовской конференции / ред. К. Г. Петросов. М.: Московский областной пед. ин-т им. Н. К. Крупской, 1969. С. 237-243.
15. **Скандура К.** Рим лежит где-то в России: современные русские поэты о Риме // Образы Италии в русской словесности: по итогам Второй междунар. научн. конф. Междунар. научно-исслед. центра "Russia – Italia" – «Россия – Италия» / ред. О. Б. Лебедева, Т. И. Печерская. Томск: НИ ТГУ, 2011. С. 520-530.
16. **Уланов А. М.** Елена Шварц. Стихотворения и поэмы [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/zpamiia/1999/9/elena-shvarcz-stihotvoreniya-i-poemu.html> (дата обращения: 01.06.2020).
17. **Фоменко И. В.** Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 123 с.
18. **Шварц Е. А.** Трость скорописца. IV [Электронный ресурс]. URL: https://litlife.club/books/173531/read?page=15#section_82 (дата обращения: 01.06.2020).

Genre Features of Lyrical Travel Cycle (by the Material of E. Shvarts's Creative Work)

Samoylenko Viktoria Alexandrovna

National Research Mordovia State University, Saransk
samoylenko.viktoria@yandex.ru

The study aims to analyse genre features of a lyrical travel cycle in the modern Russian poetry using creative work of E. Shvarts as an example. Scientific novelty of the research lies in the fact that nature of travelling representation and the image of a traveller who follows a particular itinerary are considered in E. Shvarts's poetry for the first time. The attained results have shown that genre forms of a lyrical travel cycle provide an opportunity to depict in detail not only the image of a particular country, convey its cultural atmosphere and geographic features but also present inner experience of a lyrical hero, portray his world outlook as a single artistic system. It is found that E. Shvarts's lyrical travel cycles demonstrate genre synthesis of the features belonging to a travel cycle and a philosophical cycle.

Key words and phrases: Elena Shvarts; lyrical hero; lyrical travel cycle; genre synthesis.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.8>

Дата поступления рукописи: 04.08.2020

Рассматривается специфика нравственного выбора, с необходимостью сделать который сталкиваются герои фэнтезийного романа В. В. Орлова «Аптекарь», когда случайно освобождают из плена берегиню, исполняющую желания. Цель исследования – выявить, какую этическую позицию выбирают персонажи в ситуации абсолютной вседозволенности. Научная новизна работы определяется тем, что ранее проблемы нравственности, затрагиваемые в этом романе, оставались исключительно в поле интереса авторов критических статей. В результате выясняется, что герои не готовы правильно распорядиться даром берегини из-за отсутствия высоких духовных устремлений, поэтому последствия этой ситуации становятся трагическими. Напротив, протагонист романа эволюционирует как личность: совершая свой нравственный выбор, герой отказывается от позиции пассивного наблюдателя и жертвует своей любовью ради спасения жителей Останкино.

Ключевые слова и фразы: фантастика; роман В. В. Орлова «Аптекарь»; нравственный выбор; протагонист; мотив смерти; тема жертвы.

Сафрон Елена Александровна, к. филол. н., доц.
 Петрозаводский государственный университет
00inane@gmail.com

Проблема нравственного выбора в романе В. В. Орлова «Аптекарь»

Проблема нравственного выбора – одна из ключевых в современной гуманитарной науке, чей дискуссионный характер, с одной стороны, обусловлен тем, что этот выбор не имеет единственного верного решения в силу разнообразия порождающих его ситуаций, и, с другой стороны, тем, что сегодняшнее постиндустриальное общество априори страдает размытостью этических ориентиров и кризисом антропоцентрического мировоззрения. Среди русских писателей, исследовавших проблему нравственности, лидирующая позиция, без сомнения, принадлежит Ф. М. Достоевскому. По словам писателя из записной тетради 1880-1881 гг., «недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать

в себе вопрос: верны ли мои убеждения?» [7, с. 27]. Данное суждение могло бы выступить в качестве эпиграфа к роману Владимира Викторовича Орлова «Аптекарь».

Владимир Викторович Орлов (1936-2014) – русский сценарист и прозаик, основной период творчества которого пришелся на 1970-1990-е гг. – время, когда «период застоя» закончился и страна попала в круговорот событий, приведший в итоге к распаду соцлагеря. Данный факт заставил многих советских писателей искать опору в сфере иррационального [5, с. 3-4]. Эта же тенденция проявилась и в художественном стиле В. В. Орлова.

Писатель известен читающей публике, прежде всего, как автор романа «Альтист Данилов» (1980), о неугасающем интересе к которому свидетельствует обширный пласт посвященных ему исследований как в области литературоведения, так и лингвистики [1; 9, с. 346-347; 12; 16]. «Альтист Данилов» вместе с «Аптекарем», «Шеврикукой: Или любовью к привидению» (1990) образует трилогию «Останкинские истории». Автор статьи полагает, что данные романы относятся к городскому фэнтези – субжанру фэнтези, чей сюжет развивается в городской среде [19, с. 139] во времени, обычно совпадающем с тем, в котором живет писатель, а поэтика характеризуется наличием мотива двоemiрия (параллельно существует мир обыденной реальности и мир фантастический, существующий по законам магии) и элементов традиций городского фольклора [20, с. 132].

В статье на материале обозначенного романа будет рассматриваться проблема нравственного выбора, чье возникновение обусловлено ситуацией конфликта между представлениями о добре и зле, определяющими мировоззренческие установки героев [18, с. 203]. Подразумевается решение следующих *задач*: проследить, каким образом герои реагируют на поступки берегини; проанализировать динамику развития образа самой берегини; выявить роль мотива жертвы в нравственном аспекте поэтики романа; выяснить, какую функцию название романа играет в концепции нравственности, предлагаемой В. В. Орловым. В статье используются такие *методы исследования*, как проблемно-тематический, психологический.

Актуальность исследования заключается в выявлении особенности реализации темы нравственности применительно к городскому фэнтези. Искусственная проблематика фантастической литературы рассматривалась в трудах Е. М. Неелова [13, с. 75], В. Кайтоха [23, с. 94-95], Л. Ф. Киселевой [8, с. 5]. Их исследования, наравне с работами А. А. Гусейнова, Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского, составляют *теоретическую базу* статьи. *Практическая значимость* исследования заключается в возможности использовать его материалы в рамках курса по истории отечественной фантастической литературы.

Обращение к роману «Аптекарь» связано с тем, что до этого он не был объектом серьезного внимания литературоведов, а только эпизодически обсуждался критиками [5; 18, с. 203-206]. Причина этого кроется в обострении политической ситуации в СССР, уже имевшей место на момент выхода романа (написан роман был в 1986 г., а опубликован – в 1988 г.), который поднимал проблемы, казавшиеся на тот момент уже неактуальными: «“Аптекарь” ставили между пастернаковским “Доктором Живаго” и “Жизнью и судьбой” Гроссмана. Да, видно, книги о политике были нужнее и важнее, чем размышления о вечном, о любви» [5].

Данная тема уже была затронута В. В. Орловым в «Происшествии в Никольском» в 1975 г. В этом реалистическом по своему жанру романе рассматривалась проблема правомерности насилия, однако сложная реакция на него редакторов журнала «Новый мир» привела к тому, что книга была напечатана только после существенной переработки финала и смягчения самых болезненных в социальном плане эпизодов [10, с. 704]. Учтя горький опыт с «Происшествием в Никольском», в «Аптекаре» писатель представил обозначенную проблематику уже на материале фантастического романа.

Анализируя механизм нравственного выбора в «Аптекаре», мы будем опираться на определение, предложенное А. А. Гусейновым в «Социальной природе нравственности»: «Индивид становится на почву нравственности актом практического осознания своей относительной независимости, таким отношением к объективной среде, когда он... ставит себя по отношению к внешним факторам в положение судьи... чтобы затем вынести свой окончательный приговор» [6, с. 97]. Развивая мысль исследователя, отметим, что далее «судья» уже вынужден перейти в статус «обвиняемого», который должен принести в жертву все то, что не соответствует выбранной траектории поведения, и именно эту жертву и приносят герои романа В. В. Орлова.

Как известно, фэнтези наследует традиции фольклорной волшебной сказки, однако Е. М. Неелов отмечает, что в сказке нравственный выбор носит мнимый характер: «...победа добра в фольклорной волшебной сказке... вытекает из самой природы волшебного-сказочного мира. <...> В литературе же обреченность хороших героев на обязательную победу обычно осознается как... уход от реалистического исследования сложных конфликтов реальной жизни. Победа добра в литературе добывается в борьбе... требует от героя активного и ответственного выбора» [13, с. 75]. Подобную ситуацию мы и наблюдаем в романе В. В. Орлова.

Поводом для формирования нравственного конфликта в романе становится появление берегини Любви Николаевны Кашинцевой, случайным образом получающей опеку над группой москвичей, открывших бутылку, в которой она томилась, подобно джинну. Актуальность проблемы нравственного выбора, осуществляемого героями, обостряется за счет того, что они решают ее в фантастической ситуации. Такая ситуация вынуждает их совершать этот выбор немедленно, не тратя сил на долгие размышления и самоанализ: «Я ведь теперь для вас неизбежна. Даже если вы намерены отказаться от меня, то я не имею возможности вас бросить. Ведь я не только ваша раба, но и ваша берегиня» [17, с. 49]. Берегиня (берегня) в древнерусских текстах XIV-XV вв. фигурирует как низшее божество [21, с. 155], однако обладает крайне противоречивой природой: оказывается одновременно в одном ряду с несущими прямую угрозу человеку оборотнями и упырями [22, с. 193] и с Мокошью («Слово Григория Богослова», XIV век) – божеством материнского культа плодородия [4, с. 101]. Номинатив *берегиня* связан с глаголом *беречь*, что функционально определяет этих существ в категорию божеств-хранителей (подобно вилам, оберегающим источники) [14, с. 156].

Несмотря на категоричность высказывания Любви Николаевны, права выбора она не лишена: аннигиляция ее как обладательницы физического тела заставила бы ее покинуть этот мир, и герои бы от ее влияния избавились, однако она, движимая жаждой жизни, скрывает эту информацию.

Сам образ берегини можно отнести к выделенному Е. В. Антошиной типу «роковой возлюбленной», для которой характерна «свобода в выборе объекта любви» [2, с. 10] (Любовь Николаевна то вступает в отношения с Михаилом Никифоровичем, то с Шубниковым), а также «требование абсолютной верности со стороны возлюбленного и абсолютной свободы любви для себя» [Там же] (героиня, изменяющая своему очередному партнеру, сама характеризует себя: «*Я женщина не только падшая, но и бесстыжая*» [17, с. 248]). Данный персонаж имеет два плана выражения: с одной стороны, она сверхъестественное существо, связанное с человеком только благодаря назначенным ей свыше функциям и отчасти определенному антропоморфному облику (черты лица, волосы и телосложение подвержены постоянным изменениям; безусловная сексуальная привлекательность Любви Николаевны лишней раз подчеркивает ее демоническую природу). С другой стороны, она ведет себя и как обычная смертная женщина, т.е. «пробует» себя в роли человека. Далее рассматриваются обозначенные ипостаси героини.

Первоначально берегиня старается стать примерной домохозяйкой и полностью посвятить себя приютившему ее аптекарю Михаилу Никифоровичу Стрельцову: позволяет мужчине доминировать в семье и организовывает быт. Более того, она пытается также адаптироваться и к советскому социуму: устраивается на работу маляром, ведет активную культурно-просветительскую работу. Однако скоро охладевает к подобному образу жизни: начинает изменять Михаилу Никифоровичу, за что оказывается изгнанной из квартиры: «*Вы сначала дом найдите, в котором вы жена*» [Там же, с. 247].

Выполняемые Любовью Николаевной в качестве берегини охраняющие функции автором намеренно гиперболизированы: она лишает своих подопечных права на выбор и буквально заставляет их стремиться к лучшей жизни: делает их активными помощниками в быту, профсоюзными активистами, передовиками производства, борцами с тунеядством. Ситуация затрудняется тем, что персонажи достаточно быстро начинают тяготиться новым образом жизни, т.к. понимают, что этот «голос совести» далек от их истинного Я, которое вовсе не стремится к такого рода преобразованиям.

Последствия этих изменений также отрицательно сказываются на их судьбах: протагонист романа, Михаил Никифорович, отказывается от должности аптекаря в пользу работы на химическом заводе, однако взрыв на производстве делает его инвалидом; жена бросает приятеля аптекаря, Валентина Федоровича Зотова, и он в итоге оканчивает жизнь самоубийством.

Самые страшные метаморфозы происходят с уже изначально порочным по своей природе Шубниковым, выполняющим в романе функции антагониста: описанный в начале произведения как торговец, обвешивающий покупателей, шантажист и авантюрист, по ходу развития сюжета он начинает примерять на себя образ сверхчеловека, но если сам он себя понимает как «достигшего предела качественного совершенства, но оставшегося в рамках человеческой целостности» [3, с. 10], то другие видят в нем воплощение дьявола, убивающего друзей ради достижения своих безумных целей.

Деградация героя происходит постепенно: первоначально Шубников завидует остальным пайщикам бутылки, получившим берегиню (сам он в их число не входил), поэтому пытается навредить Любови Николаевне как представительнице мира сверхъестественного методом, в этически ориентированном обществе недопустимым, – наводит на нее порчу: «*Я [рассказчик] осмотрел следы Любви Николаевны... Некоторые были затоптаны. В один из них Шубников вбил гвоздь, в четырех других лежали: лезвие “Нова”, чуть ржавое, обглоданный хребет рыбы, битое стекло и измятые бигуди*» [17, с. 65].

Далее он выкупает долю у одного из пайщиков. Попав под воздействие сверхъестественной силы Любви Николаевны, он начинает задумываться о безнравственности своего поведения, а потом и всех жителей Останкино, что наталкивает его на идею создать организацию, которая бы осуществила все мечты москвичей и, таким образом, направила их на путь добродетельной жизни. Так появляется Палата Общественных Польз – заведение, совмещающее в себе пункт проката, вечернюю школу и концертное агентство. Первоначально организация удовлетворяет исключительно бытовые потребности останкинцев, а в итоге начинает распоряжаться жизнями, принимая в залог души (т.е. начинает терять человеческую природу и превращаться в демона). Палата Общественных Польз на жанровом уровне воплощает антиутопические соображения автора, а на идейном уровне представляет собой аллгорию овеществленного мира цивилизации потребления, где люди отказываются от своей духовной сути, подменяя ее предметами, удовлетворяющими суетные, сиюминутные желания. В. В. Орлов предупреждает читателей: в ситуации вседозволенности индивид рано или поздно посягнет на жизнь себе подобного.

Происходящие с Шубниковым изменения соответствуют тому переживанию субъекта, которое Ф. Ницше характеризует как «смерть Бога»: вся область потустороннего, моральные максимы сознательно отсекаются, что способствует формированию нового типа личности – «сверхчеловека» [15, с. 135]. Шубников не может отрицать существование берегини как сверхъестественного существа, но может изменить отношение к себе самому, словами немецкого философа, «распространить на себя все атрибуты, которые раньше мы приписывали Богу» [Там же]: «*“Я выше их. Я больше их”. Он чувствовал, что стал расти. <...> Шубников перерос Останкинскую башню, но возвеличивание его не прекратилось. <...> Шубников висел над планетой в черноте вселенной, сам куда крупнее планеты. <...> Ему захотелось столкнуть два самолета над Северным морем, они столкнулись, один транспортный, тяжелый, другой – частный, с тремя пассажирами*» [17, с. 469-470].

Из данной цитаты следует, что в интерпретации В. В. Орлова концепт СВЕРХЧЕЛОВЕК приобретает отрицательную коннотацию – «как диалектическое отрицание человека – нечеловек, вышедший за пределы человеческого и, в сущности, не являющийся уже в качественном отношении человеком» [3, с. 10].

Одержимый гордыней Шубников требует от берегини для себя бессмертия, но получает отказ и тогда решает уничтожить всех жителей Останкино, и в первую очередь – детский сад, чтобы новое поколение не могло жить после его смерти. Чтобы остановить Шубникова и лишить его сверхъестественных способностей, Михаил Никифорович приносит Любовь Николаевну в жертву, сжигая фиалки, заключавшие в себе ее сущность. Поступок Михаила Никифоровича снова поднимает проблему правомерности насилия, которую, как мы уже писали ранее, В. В. Орлов ранее обсуждал в романе «Происшествие в Никольском». Необходимость не только отказаться от своего чувства, но и полностью вытеснить возлюбленную из этого мира, т.е. выбрать «малое» насилие (изгнать демона) супротив «большого» насилия (массового убийства людей), – апофеоз нравственного выбора, который делает Михаил Никифорович, однако его поступок не демонстрирует принципиально новую для него модель поведения, а представляет собой проявление последовательного разрыва его мировоззрения. Так, он уже с самого начала своей жизни выбирает путь внешней пассивности и отказа от желаний: от приземленно-бытовых, за что его обвиняет его первая жена, и от возвышенных, за что его обвиняет уже сама Любовь Николаевна. Обе героини осуждают Михаила Никифоровича за то, что он систематически берет чужую вину на себя (сообщает руководству химзавода, что отравился по собственной небрежности, а не из-за халатности начальства, жалеет многодетную мать, виновную в затоплении аптеки, поэтому опять же говорит, что он лично повинен в порче дорогих лекарств).

Герой обречен на одиночество, с одной стороны, по причине невозможности понимания другими истинного смысла высокой жертвенности его поступков: словами А. А. Гусейнова, необходимость вести себя именно таким образом «является источником страданий тогда, когда она остается внешней, чуждой и непонятой» [6, с. 87], отсюда и возникает ситуация конфликта между Михаилом Никифоровичем и его возлюбленными, неизбежно ведущая к расставанию. С другой стороны, одиночество аптекаря обусловлено переживаемым им стыдом за чувство к Любви Николаевне и за духовную деградацию тех, кто воспользовался даром берегини.

Возвращение к работе частично помогает герою преодолеть свое одиночество и почувствовать свою сопричастность великим врачам прошлого: *«Тысячелетия назад в беде и плаче произносилось слово “фармаки”, значившее – избавитель, защитник... Михаил Никифорович не забывал и о своем пребывании в вертикальном движении человечества во времени и пространстве. <...> В том движении... он был и... останкинский аптекарь, и фессалийский врач и царь Асклепий, и суматрский знахарь, кулаками старавшийся выдавить злого духа из груди недужного... и фельдшер, под пулями вблизи аула Салты помогавший Пирогову оперировать раненого... Какое благородное дело – быть на земле лекарем и подателем лекарств!»* [17, с. 518].

Однако в отличие от мифического Асклепия, казненного Зевсом за то, что тот воскрешал умерших, Михаил Никифорович не пытается преодолеть существующие законы бытия, поэтому его своеобразным жизненным девизом становится латинская пословица – «В саду от смерти нет трав» [Там же, с. 516] (в оригинале текст выглядит следующим образом: *Contra vim mortis non est medicamen in hortis. / Против силы смерти нет в саду лекарств*), и только к концу повествования аптекарь не только обнаруживает для себя новое значение этого выражения, но и переосмысливает свою роль в социуме. Теперь он видит в себе не просто подателя трав, но садовника, несущего личную ответственность за растения: *«Не отчаялся ли, посчитав, что он бессилен что-либо изменить в этом мире, и не отошел ли малодушно в сторону, предоставляя распухать недоброму? Да, в саду от смерти нет трав. Но сам-то сад должен быть! Сам-то сад должен цвести!»* [Там же, с. 518].

Сад – традиционный символ рая, космического центра. В Евангелии от Иоанна Мария Магдалина, пришедшая к гробу Христа утром, не узнала стоящего за ее спиной воскресшего Иисуса, приняв его за садовника (Ин. 20:15). Так появляется обращение к Богу как к божественному садовнику. Михаил Никифорович не претендует на роль Бога, но благодаря ощущению преемственности поколений людей его профессии начинает понимать высокий характер своего предназначения – помогать страдающим.

Автор романа оставляет читателям собственный нравственный завет, суть которого заключается в необходимости жить в гармонии с природой: *«Камни, асфальты, интерьеры с мебелью, суэта выбрали, выключили меня из природы. Я забыл имена многих растений и цветов. Или вообще в камнях города не знал их. Но это как не знать или забыть имена близких. <...> Пришло чувство стыда перед всеми травинками оттого, что я отчужден от них. Или даже изменил им»* [Там же, с. 532].

В результате проделанной работы автор статьи приходит к следующим **выводам**.

Анализируя «Замок» и «Процесс» Ф. Кафки, Е. М. Мелетинский увидел в этих произведениях «на социальном уровне ситуацию одиночества индивида, на психологическом уровне – подсознательный комплекс вины, а на метафизическом уровне символ перманентного человеческого греха и разрыва между земным миром и не известным человеку метафизическим законом, потерянный Рай» [11, с. 138]. Данная характеристика нам кажется уместной и для романа В. В. Орлова.

Герои, отказавшиеся стать лучше, оттолкнули дар Любви Николаевны – самой природы: увидели в нем только насилие над личностью, но не поняли его истинного смысла, поэтому берегиня принесла себя в жертву, избавив останкинецов от своего присутствия. Но В. В. Орлов дает своим героям надежду на искупление: Любовь Николаевна, будучи не только женщиной, но и божеством природы, не может умереть окончательно, поэтому через три года снова появляются листья на умерших после ее исчезновения деревьях и проклевываются фиалки, которые Михаил Никифорович долго пытается снова прорастить после тех, которые нужно

было сжечь для осуществления ритуала изгнания. В последней сцене романа рассказчик видит Михаила Никифоровича, встречающего электричку, и он понимает, что последний надеется на то, что Любовь Николаевна снова оживет и приедет к нему в Москву. Можно предположить, что В. В. Орлов подчеркивает неуверенность героя в сделанном им выборе, что делает принципиально невозможным проблему разрешения нравственного конфликта в произведении.

К финалу произведения обнаруживается новый смысл его названия: в образе Михаила Никифоровича раскрывается «Аптекарь» вселенского масштаба, который должен не только излечить останкинский социум от духовной слепоты, но и помешать разрушению всего мира.

Темы жертвы и жертвенности, воплощенные в образе Любви Николаевны и Михаила Никифоровича, являются сюжетобразующими, что позволяет увидеть в В. В. Орлове, раскрывающем в своем фантастическом романе такую высокую тему, идейного продолжателя традиций классической русской литературы. Данный факт определяет *дальнейшие перспективы исследования* нравственного конфликта как в других произведениях этого писателя, так и в современной отечественной фантастике в целом.

Список источников

1. Аннинский Л. А. Над грешною землей. «Альтист Данилов» Владимира Орлова // Аннинский Л. А. Локти и крылья: литература 80-х: надежды, реальность, парадоксы. М.: Советский писатель, 1989. С. 148-160.
2. Антошина Е. В. «Роковая возлюбленная» в литературе романтизма: к происхождению образа Лолиты в романе В. В. Набокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73). Ч. 1. С. 10-12.
3. Беляев Д. А. Философское определение сверхчеловека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. Т. 14. № 3. С. 9-13.
4. Белякова Г. С. Славянская мифология. М.: Просвещение, 1995. 239 с.
5. Грушевская В. Ю. Художественная условность в русском романе 1970-х – 1980-х годов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2007. 24 с.
6. Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. М.: МГУ, 1974. 157 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. 463 с.
8. Киселева Л. Ф. Диалог добра и зла в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. 1991. № 6. С. 3-11.
9. Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2008. 408 с.
10. Колесникова Е. И. Орлов В. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: библиографический словарь: в 3-х т. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2. 719 с.
11. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе: учебное пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». М.: Изд-во РГГУ, 2001. 168 с.
12. Миллов К. «Альтист Данилов»: люди и демоны // Молодость Сибири. 1980. 4 сентября.
13. Неелов Е. М. Сказка, фантастика, современность. Петрозаводск: Карелия, 1987. 124 с.
14. Николаев С. Л., Страхов А. Б. К названию бога-громовержца в индоевропейских языках // Балто-славянские исследования 1987. М.: Наука, 1989. С. 149-163.
15. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Культурная революция, 2006. Т. 13. 656 с.
16. Новикова Д. К. Функциональные и лингвокультурные особенности демонологической лексики в романе В. Орлова «Альтист Данилов» // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 202-207.
17. Орлов В. В. Аптекарь: роман. М.: Олимп; АСТ, 2002. 540 с.
18. Пискунов В. М. Живая трава: Орлов В. «Аптекарь» // Октябрь. 1989. № 8. С. 203-206.
19. Сафрон Е. А. Жанр городской легенды как один из элементов поэтики городской фэнтези // Филология и человек. 2017. № 3. С. 139-147.
20. Сафрон Е. А. Традиции городской фэнтези в повести М. Ю. Лермонтова «Штосс» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2017. № 1. С. 131-138.
21. Толстой Н. И. Бергини // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 575 с.
22. Bergyni // Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974. Вып. 1. 214 с.
23. Kajtoch W. Bracia Strugaccy (zarys twórczości). Kraków: UNIVERSITAS, 1993. 228 s.

Issue of Moral Choice in V. V. Orlov's Novel "The Apothecary"

Safron Elena Alexandrovna, PhD
Petrozavodsk State University
00inane@gmail.com

The article considers specificity of a moral choice faced by the characters from V. V. Orlov's fantasy novel "The Apothecary", when they accidentally free a Bereginia who grants wishes. The study aims to determine the ethical stance that the characters take in the situation of absolute permissiveness. The research is novel in that the moral issues upon which this work of fiction touches have previously received attention solely from the authors writing critical articles. As a result, it is found that the characters are not ready to do right with the Bereginia's gift due to their lack of high spiritual aspirations, so consequences of this situation become tragic. But the novel's protagonist evolves as a person: making his moral choice, the character renounces his stance of a passive observer and sacrifices his love to save Ostankino residents.

Key words and phrases: speculative fiction; V. V. Orlov's novel "The Apothecary"; moral choice; protagonist; motif of death; theme of sacrifice.